

Дарья Высоцкая

г. Мурманск

***

Это всегда – в каждом доме живет печаль,
где-то в углу; домочадцам кажется пылью.
Только немым на вопросы не отвечать,
только глупцам кажется всё очевидным.

Сколько ни убирай, а всех слез не вытрешь,
и одиночество спрячется за пальто.
Каждый счастливый день – это просто выи-
грыш,
пыль в теплый день проберется через окно.

Если полюбишь, хоть люди – дикие звери,
мясо живое зубами рвут от кости,
печаль выходит и за собой закрывает
двери,
но забирает всегда запасные ключи.

***

Любой твой подвиг, любое твоё
достижение,
теряет значение сразу по совершению,
ты снова чист, снова ноль в номинале,
сделано много – это не оправдывает
нелепое, глупое твое прозябанье,
потворство инстинктам и обладанию
людьми и вещами, пьяное забытие,
мир так огромен, ты же хранишь свое,

свою черноту, что в каждом углу души,
и потому болей, страдай,
болей, страдай,
болей, страдай
и пиши.

Только одно оправдывает, отменит твой
приговор,
то, что нащупал, придумал, украл
словно вор,
робкий сигнал одной из твоих антенн,
новое что-то в пространстве банальных тем,
ты подобрал слова, записал это на листе,
так окрылен, ведь слова оказались те.

В этот момент ты счастлив, с собою дружен,
и в этот момент,
именно в этот момент,
записанное стало немного хуже.

***

Шаг неуверенный, слог слишком простой:
Я вышла из дому, снова вернулась домой.
Снова глядела в окно, возвращалась
в кровать,
Выкипел суп, кофе пытался сбежать.

Пролила чай, вытерла, пролила,
Восемь скурила за раз, обняла кота.
Сделала все, чтоб никто со мной не захотел
Поговорить, поспать, отвлечься от важных
дел.

День и месяц, месяц и день какой?
Я вышла из дому, снова вернулась домой...

***

В этих поисках новых пространств,
рынков сбыта и вечных истин,
я, сменивший пятнадцать стран,
стал совсем без тебя немислим.

Я, бежавший так подло от
обязательств и слова «должен»,
стал ненужный себе идиот,
чемодан без ручек и ножек.

Я, в наклейках для багажа,
нарезаю круги по ленте
и молюсь Иисусу и Джа,
Кришне, Шиве, богине Весте,

лишь о том, чтоб к твоей двери
чемодан без ручек и ножек,
аккуратно сложив, привезли,
ты увидишь, скажешь: «А может,

ты все понял, устал». Теперь
все починишь, но постоянство
снова гонит меня за дверь:
чемодан придуман для странствий.

***

Мне восемь, тебе двенадцать,
на пляже Феодосии ты учишь меня
целоваться.

Исполняешь все мои желания: медузу
и даже мороженое,
ходишь за мной, приклеенный-
привороженный.

Мне восемнадцать, тебе двадцать два,
тебя ждут: второй ребенок и третья жена.
Под шум моря в Краснодаре, под вина
Кубани
мы прыгаем с волнореза в наши детские
воспоминания.

Мне двадцать семь, тебе тридцать пять,
черт, я сбилась со счета: сколько жен ты
успел поменять...
Мы на брудершафт, сорокоградусную,
без закуски,

парижский вечер, хорошо, что нас никто
не знает и не говорит по-русски.

Мне тридцать, тебе сорок два,
не проси, я же тебя как облупленного, и
слишком люблю себя.

Морщины выдают, но двенадцатилетнего
ребенка глаза.

Нет завтра – есть ночь, коньяк, гостиница,
зима.

Мне тридцать пять, тебе пятьдесят один,
и бес в ребре, и в бороде не сосчитать седин.
Уже в дверях, вздыхаешь: «Знаешь, у меня
ведь одни сыновья,
я бы многое отдал за дочь, похожую на тебя».

Мне тридцать пять, ты остался без времени,
над гробом рыдает твоя последняя жена –
беременная,
мне отдать ей своего тепла так хочется,
она совсем девочка, почти ровесница
нашей дочери.

***

Ага, Мурманск встречает песком в глаза,
градом или дождем,
мы подождем
сначала весны, потом лета,
а наступит зима,
и та, что окажется по погоде одета,
приравнивается к Пифии или Ванге.
Ага, нам бы в кеды, на велосипедах,
по «Ленинградке», вот только без этой
пыли,
как будто мы всегда были
или стали
частью этого Севера.
Уверены, умеренны,
приморожены
или выдержаны
в этих условиях,
как коньяк в дубовой бочке,
ждем, что заключение наше закончится,
и мы сядем в огромный поезд,
и все-все-все уедем в Питер,
ага, ленинградцы, ждите.